

Метаязыковые формулы ответа:
комментарий к чужому высказыванию
между культурой речи
и коммуникативным доминированием

Мария В. Ахметова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, malinxi@rambler.ru*

Аннотация. Рассматриваются клишированные формулы, которые представляют комментарий к чужому словоупотреблению и построены по модели, в рамках которой цитата из чужой речи помещается в контекст, будто бы более подходящий для нее, и таким образом сигнализирующие о неуместности выбранных собеседником слов. Обычно эти контексты оказываются сниженными, в том числе подразумевают использование обценной лексики. Подобные формулы воспроизводятся как реакция на нарушение, во-первых, речевой нормы, как ее понимает говорящий, а во-вторых, групповых (профессиональных) речевых конвенций. Они распространены, в частности, в таких иерархизированных сообществах, как семья, школа, вуз, армия, профессиональная группа. Приводится классификация способов конструирования данных метаязыковых формул, которые зачастую строятся на языковой игре с неоднозначностью (задействуется омонимия, полисемия, омография, синонимия и омоформия), и типов лексических единиц, осмысляемых в их рамках (обозначение действия, обозначение объекта, обозначение группы и стереотипные формулы). Выделяются, в частности, такие функции рассматриваемых формул, как выстраивание иерархических отношений между говорящим и собеседником, социализирующая, «дуэльная» и мнемоническая. Также показано влияние на соответствующую речевую практику культуры речи и определенных механизмов обыденного метаязыкового сознания.

Ключевые слова: формулы ответа, комментарий, фразеология, коммуникативное доминирование, метаязыковое высказывание

Дата поступления статьи: 28 апреля 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 04 июля 2023 г.

Дата публикации: 26 июня 2024 г.

Для цитирования: Ахметова М.В. Метаязыковые формулы ответа: комментарий к чужому высказыванию между культурой речи и коммуникативным доминированием // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 26–57. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-26-57

Metalinguistic formulas of reply:
A commentary to someone else's speech
between culture of speech
and communicative dominance

Maria V. Akhmetova

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, malinxi@rambler.ru*

Abstract. The paper discusses stereotypic formulas, which represent a commentary on someone else's use of language. The mentioned formulas are constructed according to the model that places a quote from someone else's speech in a context that seems to be more suitable for it and, thus, signaling the irrelevance of the words chosen by an interlocutor. Usually these contexts are profane, and sometimes imply the use of obscene vocabulary. Such formulas are reproduced as a reaction to violation, firstly, of general speech norms, as a speaker understands them, and secondly, of group (professional) speech conventions. They are used particularly in such hierarchical communities, as family, school and other educational institutions, army and professional groups. The author suggests a classification of the ways of constructing these metalinguistic formulas, which are often based on wordplay with ambiguity (homonymy, polysemy, homography, synonymy and homoformy are involved) and classifies types of lexical units which are reflected (action designation, object designation, group designation and stereotype formulas). In particular, such functions of the considered formulas as the building of hierarchical relations between the speaker and the interlocutor, socializing, "dueling" and mnemonic are highlighted. The paper also demonstrates influence on the mentioned speech practice of the culture of speech, as well as certain mechanisms of naive metalinguistic consciousness.

Keywords: formulas of reply, commentary, phraseology, communicative dominance, metalinguistic statement

Received: April 28, 2023

Approved after reviewing: July 04, 2023

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Akhmetova, M.V. (2024), "Metalinguistic formulas of reply: A commentary to someone else's speech between culture of speech and communicative dominance", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 26–57, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-2-26-57

Предварительные замечания

В центре данной статьи – высказывания, представляющие собой один из типов вербальной реакции на словоупотребление, по мнению говорящего, нерелевантное (в плане выбора лексики или реже акцентуации). Подобные высказывания помещают отвергаемую лексическую единицу в контекст, будто бы более подходящий для нее, чем тот, в котором она была употреблена, и сопровождают-ся, хотя и не всегда, указанием на релевантное словоупотребление. Для начала приведу два примера из художественной литературы:

– Давно служишь?

– Собачки служат, – сердито сказал я. – Я работаю (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу. 1964)¹.

– А у нас в доме все с удовольствием едят сладости <...>.

– Я тебе уже объяснял, что не «сладости», а «сласти». Сласти! Сладости у восточных красавиц, а это называется сла-сти (А. Вайнер, Г. Вайнер. Лекарство для Несмеяны. 1978).

В этих конструкциях отсутствует как прямая оценка слова или объяснение причин его нерелевантности, так и непосредственное толкование (то есть не сообщается, например, о том, что *служить* в значении 'работать' используется ограниченно, или о том, что *сладость* – это качество продукта, а не его обозначение²). О нерелевантном словоупотреблении говорится в первом случае через косвенное сообщение о том, что глагол *служить* применим по отношению к собакам, а не к людям, во втором – через имплицитную отсылку к устойчивому словосочетанию *восточные сладости*, лишь в составе которого будто бы возможно использованное собеседником слово.

¹ Здесь и далее цитаты из художественной литературы приводятся по данным сервиса Google.Books. Разрядка здесь и далее моя. – М. А.

² Использование мн. *сладости* для обозначения кондитерских изделий вместо *сласти* было одним из пунктов критики в рамках «чистоты языка», см., например, популярное издание о «правильной» речи: Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? Л.: [Б. и.], 1961. С. 13–14.

В самом широком смысле такие реакции можно рассматривать как высказывания, содержащие оценочность через повторение слов собеседника (эхо-реплику) (ср.: «1. Послушай / а ты у нас талант / 2. Талант / опять тройка по анатомии //» [Капанадзе 1988, с. 155]). При этом рассматриваемые мною конструкции зачастую тяготеют к идиоматичности: например, ответ типа *Являются черти* (привидения и т. д.) в армейской среде представляет собой (или, по крайней мере, представлял в XX в.) стандартную реакцию на высказывание младшего по званию «<Имярек> явился». Стереотипность реакций на одно и то же словоупотребление, с одной стороны, может объясняться частотностью самих таких случаев словоупотребления, воспринимаемых как нерелевантные; с другой стороны, можно сказать, что многие из подобных реакций вошли в некий общий «фразеологический фонд» русского языка.

Высказывания типа *Являются черти* в ответ на «<Имярек> явился» также близки, с одной стороны, к так называемым фразеорефлексам и идиорефлексам – «своеобразным фразеологическим единицам», «вербальным реакциям, имеющим тенденции к стереотипизации», приобретающим «более или менее устойчивый характер» и, в частности, выражающие реакцию «на слова, в том числе и на вопросы, на мнение собеседника или иного лица» [Гак 1995, с. 47–48]. С другой стороны, они в большей степени близки к тому, что А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский определяют как «формулы ответа» – стереотипные реплики, повторяющие фонетические особенности предшествующего речевого акта собеседника и указывающие на его неуместность [Баранов, Добровольский 2008, с. 92–93], выражающие крайнюю невежливость, передразнивающие собеседника и с прагматической точки зрения сигнализирующие о нежелании продолжать коммуникацию, по крайней мере, в данном контексте [Баранов, Добровольский 2009, с. 22–23] (ср. <– Ну?> – *Баранки гну*; <– Почему?> – *По кочану* и т. д.).

Кроме того, их можно рассматривать в рамках весьма разнообразных и по форме, и по прагматике речевых и/или фольклорных жанров, таких как «шуточные ответы» [Пермяков 1988, с. 89], «диалогическая реинтерпретация» чужих слов [Клубков 2003, с. 658], как элемент «сценарных диалогов» [Жигарина 2008]. В качестве функций таких высказываний и близких к ним выделяются снижение, парирование суждения собеседника, игра, передразнивание, установление коммуникативной власти [Жигарина 2008, с. 191–192; Бойцова 2010], укрепление позиций говорящего в диалоге [Норман 2016, с. 231], «негативно-коммуникативная функция» [Пермяков 1988, с. 89].

Существенные особенности рассматриваемых мною конструкций заключаются в том, что они, во-первых, цитируют прежде

всего лексические (либо акцентуационные) особенности речи собеседника; во-вторых, могут воспроизводиться не как реакция на реплику в коммуникации, а вообще при обсуждении тех или иных средств вербального выражения; в-третьих, неуместность речевого акта, о которой они сигнализируют, ограничивается сферой языка. Поэтому далее я, основываясь на терминологии Баранова и Добровольского, предлагаю называть такие высказывания метаязыковыми формулами ответа.

Формулы ответа как таковые вообще могут строиться и непосредственно по «цитатному» принципу, и помещать цитату из речи собеседника в иной контекст, при этом неуместность предыдущего речевого акта собеседника состоит не в выбранном им слове, а в самой ситуации, ср.: *Жалко у пчелки* (неуместно выражать чувство сожаления, а не слово *жалко*); *Неудобно штаны через голову надевать/снимать* (неуместно говорить о неудобстве, а не использовать слово *неудобно*) и т. д. Наряду с этим формулы ответа, в том числе построенные по другим моделям, могут иметь более или менее эксплицитную метаязыковую составляющую, ср.: *На кудыкину гору* (ответ на табуированный в традиционной культуре вопрос *Куда?* [Топорков 1990]); *Тамбовский волк тебе товарищ* (если идет речь о милицейском или тюремно-лагерном противопоставлении обращений *товарищ* vs. *гражданин*); *За «спасибо» бьют красиво* (паремия обусловлена табуированием слова *спасибо* в криминальной субкультуре, но также иногда и в культуре традиционной, например у старообрядцев, ср. [Подюков, Свалова 2019, с. 112]; ср. структурно идентичную паремию *За «нечаянно» бьют отчаянно*, указывающую на неуместность оправдания проступка тем, что он был совершен «нечаянно», а не самого этого слова). Как представляется, метаязыковая прагматика формульных ответных высказываний до сих пор не привлекала специального внимания исследователей.

Иными словами, речь пойдет об особой риторической модели, по многим критериям сближающейся с фразеологической/паремиологической/фольклорной сферой и носящей метаязыковой характер. Я рассмотрю высказывания подобного рода из литературы XX – начала XXI в. и из сети Интернет (в том числе из специального обсуждения «Про словоблудие и суеверия», собравшего более 1300 комментариев³). Кроме того, исполь-

³ Про словоблудие и суеверия: <пост и комментарии> // Pikabu.ru. 2018. URL: https://pikabu.ru/story/pro_slovobludie_i_sueveriya_5769830#comments (дата обращения 20 марта 2024). Далее при цитировании материалов блогов, форумов и социальных сетей в круглых скобках приводятся название ресурса и год записи. Во всех примерах из сети

зуются материалы переписки в социальных сетях и полевые записи⁴.

«Неправильное» слово и сферы его осмысления

Метаязыковые формулы ответа служат реакциями на словоупотребление, нерелевантность которого может быть обусловлена двумя аспектами.

В первом случае они маркируют невладение речевой нормой, культурой речи, как ее понимает говорящий. Следует учитывать высокий статус этого поля знания в отечественной культуре XX–XXI вв. Культура речи как дисциплина и инструмент регулирования речевых норм (порой приобретавший жесткий прескриптивный характер) складывалась в СССР на протяжении XX в., широко пропагандировалась в медиа и в (научно-)популярной литературе, не говоря уже об образовании, при этом она остается авторитетной и востребованной в постсоветский период. Сам дискурс культуры речи, особенно в том виде, как он популяризировался и был воспринят массовым адресатом, предполагал характеристику тех или иных средств речевого выражения как нормативных, допустимых или недопустимых, что на самом упрощенном уровне выражалось в суждениях наподобие «так говорить можно» или «так говорить нельзя» и во многом определяло метаязыковое поведение как в советскую, так и в постсоветскую эпоху (включая практику исправления чужой речи). В обсуждения культуры речи наряду с профессиональными лингвистами были вовлечены также писатели (которые наделяются в отечественной культуре как функцией производства литературного языка, так и особой компетентностью в суждениях о языковых нормах) и рядовые носители языка. Последние выступали в функции не только потребителей информации о релевантном или нерелевантном словоупотреблении, но и комментаторов, транслируя свои представления о культуре речи, например, в письмах в газеты и профильные популярные издания, вступая в диалог со специалистами (см. подробнее: [Басовская 2011; Gorham 2010]). «Правильное» и «неправильное»

Интернет исправляется пунктуация, орфография сохраняется, кроме написания прописных/строчных букв. В общенной лексике купоры, сделанные автором, помечаются многоточием в квадратных скобках.

⁴ При цитировании свидетельств, полученных при личной коммуникации (в том числе в переписке), приводятся (примерный) год рождения (кор)респондента и его место рождения/жительства, релевантное для приводимого контекста.

словоупотребление активно обсуждается, в частности, в социальных медиа в наши дни.

В рамках метаязыковых формул ответа как несоответствующие норме и поэтому оспариваемые часто появляются стилистически маркированные (либо воспринимаемые как таковые) лексические единицы vs. нейтральные. Например, в качестве реакции на обиходное *убираться* вместо *убирать* 'приводить в порядок' обычно говорят, что *убираться можно только вон* (см.: [Левонтина 2016, с. 161]), а в качестве реакции на *наложить* (еды в тарелку) вместо *положить* припоминается идиома *наложить в штаны*. Приведу далее реакции на *кушать* вместо *есть*, отражающие устойчивую модель, в рамках которой варьируются элементы:

...дергаюсь от употребления слова «кушать» <...>. Я все еще считаю, что кушают дети и дорогие гости, а все остальные – едят, обедают, ужинают (Livejournal.com, 2013).

В советские еще времена, когда русский язык в школах преподавали **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** знающие учителя, нам объясняли: кушают дети и короли, а все остальные едят (Pyatimenutka.ru, 2017).

Как говорит моя свекровь, кушают лакеи (это интерпретация ахматовского высказывания о том, что «кушать» – лакейское слово) (жен., 1976 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2017 г.).

«Кушают только маленькие дети и старые евреи», – говорила бабушка моей подруги, принадлежащая к последним (Livejournal.com, 2006).

Кроме того, в сетевых дискуссиях по поводу маркированного *кушать* vs. нейтрального *есть* встретились суждения, согласно которым *кушают* «лакеи да дети до трех лет», «евреи и москвичи», «лакеи и свиньи», «лакеи и деклассированные элементы», «дети и (домашние) животные», «дети и генералы КГБ», «баре» и мн. др. Здесь интересно, во-первых, что в качестве субъектов упоминаются обычно как условные адресаты, в общении с которыми или при описании действий которых используется слово *кушать* («дорогие гости» – ср. приглашение к столу «Кушайте, дорогие гости»; «дети (до трех лет)», о которых говорится в регистре baby-talk; «домашние животные»⁵; высокостатусные персоны («короли», «генералы КГБ», «баре»), говорение о которых будто бы требует

⁵ См. о сближении регистра baby-talk и регистра общения с домашними животными: [Магин 2006].

особого вежливо-подобострастного регистра⁶, и т. д.), так и условные носители («лакеи» – ср. высказывание «Кушать подано»; «евреи»⁷ и т. д.). Во-вторых, суждение о том, что «кушают свиньи», находит отражение в словаре В.И. Даля⁸, что свидетельствует о возникновении подобной модели заведомо до XX в. Иными словами, соответствующие реакции подразумевают семантически как «N – это то, что допустимо сказать об X», так и «N – это то, что относится к речи X»⁹. Рассматриваемые далее примеры относятся преимущественно к первому случаю.

Нельзя не отметить, что жизнеспособность этой модели поддерживается существованием анекдотов и баек на тему нерелевантного словоупотребления и его исправления собеседником. Существование анекдотических нарративов, действующих суждения подобного типа, с одной стороны, свидетельствует о распространенности таких конструкций в речи, с другой – «под-

⁶ Ср. представления об использовании различных лексических средств при говорении о лицах, обладающих либо наделяемых разным статусом, например, воспоминания А.И. Герцена о лакее своего отца, популяризированные Л.И. Успенским: «Покойник <...> приговаривал: “А ты, мужик, знай: я тебе даю, а барин изволит тебя жаловать; ты – ешь, а барин изволит кушать; ты спишь, щенок, а барин изволит почивать”» (Успенский Л.В. За языком до Киева: Лингвистическая проза, повесть, рассказы, публицистика, письма. Л.: Лениздат, 1988. С. 407), известный фрагмент из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, где гробовщик Безенчук размышляет о том, какой из глаголов в значении ‘умереть’ следует использовать, имея в виду статус и внешний вид покойника (*предстаться, Богу душу отдать, гикнуться* и др.), или более приближенные к нашему времени юмористические сентенции типа *Начальство не опаздывает – начальство задерживается*.

⁷ Ср. стереотипные представления о речи евреев, совмещающие, с одной стороны, признаки речи «мещанской», «одесской», «южнорусской» и т. д., с другой – (псевдо)интеллигентской речи.

⁸ «Кушают одне только свиньи, а люди-де едят» (см.: Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2. С. 220 [ст. «Кушать»]); «...*кушать* вежливее, чопорнее, чем *есть*, хотя и говор<и>т<ся> шут<от>ч<но>, что: *кушают свиньи, а люди едят*» (см. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. М.: Рус. яз., 1982. Т. 4. С. 214 [ст. «Скушать»]).

⁹ См., например, эксплицирование этого значения в высказываниях наподобие: «В мою молодость знакомая пожилая дама, первооткрывательница, между прочем, Долины гейзеров на Камчатке, говорила своим внукам: “КУШАТЬ говорят евреи, лакеи и маленькие дети”» (о второй половине 1970-х гг.; жен., 1945 г. р., Эстония, переписка).

питывает» их бытование. Ср. далее два случая воспроизведения в коммуникации анекдотической модели (в первом случае речь идет о реальной коммуникации в Интернете, во втором, вероятно, о байке, в основу которой могло лечь реальное наблюдение свидетеля).

1. <Анекдот>

– Алле! Это голландское посольство?

– Молодой человек, голландским бывает сыр и хер, а посольство – Нидерландов... (Anekdot.ru, № 9981668, 2002).

<Коммуникация>

– Так Голландия и есть Нидерланды, не?

– Запомни, голландским может быть только сыр и хер, а государства (sic!) называется королевство Нидерланды (VK.com, 2020).

2. <Анекдот>

В автобусе:

– Девушка, вы выходите?

– Выходят замуж!

– Девушка, вы сходите?

– Сходят с ума!

– Может, вы вылазите?

– Вылазят, когда рождаются!

Мужчина, пинком выпихивая ее из автобуса:

– С днем рождения, сука!!! (Anekdot.ru, № 484134, 2010).

<Коммуникация>

В автобусе: «Вы сходите?» Царственно оборачивается и хорошо поставленным голосом: «Сходят со сцены, молодой человек!» Так мне рассказали (муж., ок. 1959 г. р., Дмитров, переписка, 2017 г.).

Другой случай представляют собой ответные комментарии, маркирующие невлаждение групповыми речевыми конвенциями: как правило, речь идет об использовании собеседником общеязыковых/разговорных аналогов вместо профессионализмов или специальных терминов. Далее будут рассмотрены высказывания, относящиеся к сфере деятельности юристов, полицейских, военных, рестораторов/барменов, связистов, портных, механиков, водителей, спортсменов, музыкантов и др.

Кроме профессиональных сообществ метаязыковые формулы ответа воспроизводятся, в частности, в рамках таких социальных институтов, как семья, армия и учебные заведения. О роли последних следует сказать особо. Так, если в профессиональных

сообществах обсуждается принятая терминология, а в семье старшие зачастую сообщают ребенку таким образом об «общей культуре речи», ср.:

<По поводу *наложить* (еду в тарелку).> Вот и мне в детстве всегда говорили, что наложить можно только в штаны. <...> И еще взрослые добавляли: «Ты бы еще сказал – навороти!» (Monogramma.c1.biz, 2005).

<По поводу *присесть* vs. *сесть*.> Мне бабуля всегда говорила: «присаживаются в кустах» (Pikabu.ru, 2018), –

то границы между учебными заведениями и, с одной стороны, семьей, а с другой – профессиональными сообществами в этом смысле проницаемы. Как мы увидим из приводимых далее примеров, школьные учителя (для которых вообще обычна практика исправления речи учащихся) и вузовские преподаватели (в том числе те, которые читают и правят студенческие работы) реагируют как на общие «речевые ошибки», так и невладение терминологией. В частности формулы, используемые в армии, воспроизводятся преподавателями на военных кафедрах и школьными военруками; учителя труда воспроизводят те же формулы, что механики либо портные, и т. д.:

А еще помню, как в училище по «Стилистике деловой речи и редактированию служебных документов» учила мастер: «Наложить можно только в штаны». Надо коворить (sic!) «класть» (Sekretar-info.ru, 2010, жен., 1980 г. р.; ср. «общая культура речи»).

Муж вспомнил с военной кафедры: честь отдают девушки, а солдаты выполняют воинское приветствие! (жен., 1976 г. р., Москва, переписка, 2017 г.; ср. то же в армии).

Нам говорила <учительница труда>: «гладят по голове, а мы утужим!» (Pikabu.ru, 2018; ср. то же у портных).

Моя учительница математики говорила: «КОмплексные бывают обеды, а числа – комплЕксные» (жен., ок. 1976 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2017 г.).

кОмплексные обеды, а числа комплЕксные <...> это одна из фраз профессора Серебрянского. Читал у нас математику (муж., 1957 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2017 г.).

У нас препод по анатомии говорил, что дырка у бублика, а в кости – отверстие. Если угораздило сказать «дырка» – отправляйся на пересдачу (Pikabu.ru, 2018) (ср. далее суждения о *дырке* vs. *отверстии* у представителей иных профессий).

Наряду с этим некоторые высказывания педагогов, приводимые в воспоминаниях, судя по всему, образуются по данной модели окказионально (по крайней мере, обнаружить аналогичных примеров мне не удалось):

Моя учительница по математике всегда говорила: «Переводят бабушку через дорогу, а дробь преобразовывают!» (Pikabu.ru, 2018).

А моя учительница русского языка ненавидела выражение «я считаю», всегда говорила, что считают деньги в кармане. Если видела эту фразу в сочинении, сразу два ставила (Pikabu.ru, 2018).

У нас в летном училище препод: «“Наушники” на ухо шепчут или в КГБ, а это “головные телефоны”» (Pikabu.ru, 2018)¹⁰.

То же можно сказать и об институте редактуры, поскольку редакторы имеют дело и с «общей культурой речи», и со специальной терминологией. Ср.:

<Автор записи в соцсети:> Мы, химики, в пробирки прикапываем. И точно не капаем, капают медики в нос, но не химики в пробирки.

<Вопрос:> А про «капают медики в нос» – это Вы только что смоделировали или у химиков есть такая типовая реплика на «капать» (наподобие морского «плавает гтгг, а корабль ходит»)?

<Автор записи в соцсети:> Нет, это фантазия научного редактора, которому приходится объяснять авторам статей суть применяемого ими термина. Например, «снять спектр» – реакция редактора – «снимают пальто, спектр регистрируют» (жен., научный сотрудник, редактор, переписка, 2021 г.).

Интересно, что близкое словоупотребление может провоцировать аналогичные метаязыковые формулы ответа у представителей

¹⁰ Ср. также уникальную учительскую реплику, не имеющую метаязыковой составляющей, но построенную по той же модели (ответ на высказывание ученика «Я не знаю»): «Знает только попугай, а человек думает» (жен., 1967 г. р., Новгородская обл., устное сообщение, 2023 г.).

разных сообществ, что может быть как результатом некоего дрейфа между узусами, так и возникать автономно. Например, армейское *Являются черти* как ответ на «<Имярек> явился» используется также представителями сообществ, работающими с речью (школьные учителя, преподаватели вузов, журналисты, редакторы и т. д.), в ответ на использование глагола *являться* 'быть' (в высказываниях типа *Х является У*, воспринимаемых как неуместное клише, элемент канцелярита и т. д.):

<О рубеже 1950-х и 1960-х годов.> ...я в детстве <...> слышала от мамы – причем со ссылкой на ее учительницу литературы Н.Г. Долинину. До сих пор у меня в статьях являются только призраки <...>. НГ, школьная учительница (и автор многих книг по литературе для школьников) ей вычеркивала в работах слово «является» (тем-то), говоря, что «являются только призраки» (жен., ок. 1976 г. р., Санкт-Петербург, переписка, 2023 г.).

Тамара Осиповна <журналист> вспомнила своего преподавателя, который терпеть не мог слово «является». Присказка у него такая была: мол, являются черти. Конечно, деловому стилю русского языка никак не избежать этого довольно странного слова. Но Тамара Осиповна, однажды усвоившая, что канцеляризм никак не связан с «мукулистой прозой» газетной полосы, и сейчас избегает этого слова в своих текстах¹¹.

<Воспоминания о преподавателе бывшего студента МФТИ рубежа 1940–1950-х гг.> И.К. Кикоин очень тонко чувствовал русский язык. Он терпеть не мог такого глагола, как «являться», и гневно говорил: «Является Христос народу». И через много лет работы с И.К. Кикоиным я принес ему статью своего сотрудника <...>, в ней ни разу не встретился глагол «является». Прочитав ее, Кикоин сказал: «Да, эта работа годится»¹².

Или еще один пример, связанный с сатирическим переосмыслением словоупотребления в официальном церковном документе в духе грамматической омоформии (*являться кем-л. vs. являться кому-л.*); речь идет о реакции на указ митрополита Крутицкого

¹¹ *Ракитянская Л.* Не «являться», а быть! // Вечерний Ставрополь. 2022. 28 марта. URL: <https://old.vechorka.ru/article/ne-yavlyatsya-a-byt/> (дата обращения 20 марта 2024).

¹² *Сазыкин А.А.* Несколько строк о Кикоине // Исаак Константинович Кикоин: Воспоминания современников / отв. ред. Н.Н. Пономарев-Степной. М.: Наука, 1998. С. 182.

и Коломенского Ювеналия, согласно которому священник «является изверженным из сана». Примечательно, что здесь приводится отсылка, вероятно ложная, к авторитетному лицу – знаменитой переводчице Н.Л. Трауберг:

Как говорила великая Наталья Трауберг, «являться могут только приведения (sic!), и только плохим переводчикам». Но по воле митрополита Ювеналия с 13 ноября запрещенный о. Максим Каскун <...> должен являться изверженным из сана. Именно это следует из текста указа, опубликованного на сайте Московской епархии, а вовсе не то, что означенный иерей лишен сана (ТГ-канал «Батюшка Лютер», цит. по Livejournal.com, 2020).

Иными словами, метаязыковые формулы ответа сигнализируют о невключенности собеседника в определенную речевую конвенцию – будь то с точки зрения норм языка (именно поэтому они распространены в узусе профессионалов, которым в рамках их обязанностей делегируется исправление «ошибок» в чужой речи) или с точки зрения принятого в данной группе словоупотребления.

Как «сделаны» метаязыковые формулы ответа

Наряду с более или менее произвольно выбираемым контекстом, в который помещается дискредитируемое словоупотребление (например, *Стоит слон в зоопарке (ведро, столб), а вратарь играет; Дырка в носу (штанах, заборе, заднице), а в X отверстие*), рассматриваемые высказывания часто строятся на языковой игре с разного рода неоднозначностью. В них задействуются:

1) о м о н и м и я (ср. *баба* простореч. ‘женщина’ vs. *баба* ‘ударная деталь машины’):

Машинист назвал Оньку бабой. <...> «Я тебе – не баба; бабой сваи забивают, понял, пустая голова, безмозглая!» (Е. Белянкин. Вислый камень. 1958).

2) п о л и с е м и я (ср. *гладить* ‘легко проводить рукой по чему-л.’ vs. ‘делать гладким при помощи утюга’):

Как правильно сказать: гладить или утюжить? Профессиональные портные считают, что гладят только кошку, и предпочитают на каждую операцию использовать определенный термин: разутюжить;

сутюжить; заутюжить и т. д.¹³ (ср. также: *Гладят только собачку, мужа и т. д.*).

3) омография (ср. общ. *возбуждённый* vs. спец. *возбужденный* [об уголовном деле]; см. выше: *комплексный* vs. спец. *комплéксный* [о числе] и т. д.):

<Архивистка в отделении полиции, недавно устроившаяся на работу: «...возбуждено дело...». Полицейский:> Возбуждённым бывает х<..>, а дело возбуждено (жен., 1973 г. р., Москва, устное сообщение, 2017 г.).

4) (неполная) синонимия (ср. *кататься* ‘совершать прогулку или упражняться, передвигаясь на чем-л.’ vs. *ездить* ‘двигаться куда-л. при помощи каких-л. средств передвижения’):

<В контексте верховой езды; реакция на использование в обсуждении слова *кататься* (на лошади).> Вообще-то катаются – на коньках. А на лошади – ездят (Forum.exler.ru, 2005; ср. также: *Катаются на карусели, на палочке, на осле в цирке, на пони и т. д.*).

5) омоформия (ср. *дуло* сущ. ‘выходное отверстие канала ствола огнестрельного оружия; ствол оружия’ vs. форма прош. вр. ср. р. глагола *дуть*):

<В ответ на «...подполковник (зам. нач.) приставил солдату к голове дуло»> ...«дуло» – это из окна, у оружия – ствол (X-trail-club.ru, 2011; ср. также: *Дуло – из форточки, под носом, глагол*).

Объектами осмысления в рамках рассматриваемых высказываний обычно являются следующие типы терминов.

1. Обозначение действия (*гладить* vs. *утюжить* (портные; школа: уроки труда), *стоять (в/на воротах)* vs. *играть* (спортсмены, о вратаре), *кататься (на лошади)* vs. *ездить* (спортсмены, тренеры по верховой езде), *нанимать (адвоката)* vs. *заключать соглашение / приглашать* (юристы), *заводить* или *открывать (дело)* vs. *возбуждать* (юристы, милиция/полиция), *являться* vs. *прибывать* [армия, военные учебные заведения] и т. д.):

¹³ Патлах В.В. Энциклопедия технологий и методик. 2007. URL: <http://patlah.ru/etm/etm-05/dom%20hitrost/ytug/ytug-03.htm> (дата обращения 20 марта 2024).

У нас в ходу другое, неверное, выражение: «голкипер стоит в воротах». Это слоны в зоопарке стоят. А вратарь – играет, как любой футболист¹⁴.

Не нанять, а заключить соглашение на оговоренных с адвокатом условиях. Нанимают извозчиков (юридический форум 9111.ru, 2012; ср. также: *Нанимают такси, няню* и т. д.).

– Уголовное дело на меня завели.

– Заводят часы да моторы, – поправляю я его. – А дела возбуждают¹⁵ (ср. также: *Заводят собаку, кошку, любовницу* и т. д.).

Открывают форточку, когда душно. Уголовное дело возбуждают (Otveta@mail.ru, 2009; ср. также: *Открывают книгу*).

– ...гвардии сержант Сомин по вашему вызову явился! <...>

– <...> являются обычно чудотворные иконы или образ любимой девушки во сне, а гвардии сержанты по вызову начальника прибывают (Ю. Анненков. Флаг миноносца. 1958).

– Старшина Мудрик явился, товарищ полковник!..

– Являются ангелы на небе, а старшина Мудрик прибыл (Б. Полевой. Доктор Вера. 1966).

– Командир второго взвода по вашему приказанию явился! <...>

– <...> является только черт с того света <...>. Командиры же прибывают по приказанию (Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969).

...один препод в академии любил на фразу: «Курсант такой-то для сдачи экзамена явился!» отвечать: «Являются привидения, а курсанты прибывают!» (Pikabu.ru, 2018; ср. также: *Является черт во сне, Христос народу* и т. д.).

2. Обозначение объекта (ср. *шкурка* vs. *наждачка* / *наждачная бумага* [механики, маляры и т. д.], *дуло* vs. *ствол* [армия], *гудок* vs. *зуммер/сигнал* [связисты], *малый барабан* vs. *рабочий барабан* [музыканты] и т. д.):

Я однажды в малярке случайно прочёл на зашпаклёванной двери легковушки переписку двух маляров. Писали карандашом. Один просил

¹⁴ Александр Филимонов: «Стоят – слоны в зоопарке, а вратари – играют» / Записал М. Квятковский // Спорт-экспресс. 1998. 1 июня.

¹⁵ Бывалый Н. «За нечаянно быют отчаянно» // Человек и закон. 1987. № 9. С. 92.

у второго «шкурки». На что второй доходчиво пояснил, что шкурка в штанах, а маляры работают наждачной бумагой. С тех пор я разделяю эти два термина (Forum.jawaold.su 2019).

...отставить «дуло». «У оружия – ствол! А дуло у бабы под юбкой» © гвардии старший прапорщик Козлов (Yaplakal.ru, 2012).

Гудок у паровоза, у нас зуммер, ну или тоновый сигнал... (Forum.ixbt.com, 2014).

...один мудрый человек сказал мне: «Рабочий – на стройке. Барабан называется Малый» (Drumspeech.com, 2010).

3. Обозначение группы. Как правило, релевантность принятых в сообществе названий профессии в рамках метаязыковых высказываний объясняется через простое противопоставление профессионализма и его обиходного/разговорного синонима: «балетный, а не балерун», «цирковой артист цирка, а не циркач» и т. д. В то же время для противопоставления литературного *пожарный* и разговорного *пожарник* зачастую реализуются такие маргинальные значения второго слова, как устаревшее 'пожарный-любитель, член добровольной пожарной дружины'¹⁶, устаревшее/диалектное 'погорелец'¹⁷ (в «Москве и москвичах» В.А. Гиляровского *пожарник* – также обозначение нищего-(лже) погорельца¹⁸) или 'поджигатель'. Последнее значение в авторитетных источниках не обнаруживается; можно осторожно предположить, что оно актуализируется благодаря топике романа Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту», хотя в первом и выдержавшем наибольшее количество изданий русском переводе Т.Н. Шинкарь используется исключительно лексема *пожарный*. Едва ли будет ошибкой сказать, что знание о соответствующих значениях слова *пожарник* в настоящее время актуально лишь в контексте его противопоставления слову *пожарный*. Первые два значения, по всей вероятности, актуализируются благодаря фрагменту из книги Гиляровского, цитируемому в научно-попу-

¹⁶ Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Стлб. 474; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 10 / под ред. В.И. Чернышева и др. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР; Наука, 1960. Стлб. 734.

¹⁷ Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. М.: Рус. яз., 1982. Т. 3. С. 221; Словарь русских народных говоров. Вып. 28 / под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб.: Наука, 1994. С. 289.

¹⁸ Гиляровский В.А. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1967. С. 207.

лярной¹⁹ и популярной литературе о культуре речи²⁰. Метаязыковые высказывания по поводу противопоставления *пожарник* vs. *пожарный* могут как содержать «альтернативное» толкование нерелевантной лексемы, так и характеризовать ее нерелевантность через помещение ее в соответствующий контекст («пожарники поджигают»):

- Пожарники... – откликнулась Лизка <...>.
- Тю-тю-тю! – наставительно зашипел Крысяныч. – При МЧСе это не брякни!
- А что не так?
- Пожарники поджигают, а пожарные тушат²¹.

...у нас кто-то читал, что, сказал, есть и «пожарники», но лучше всего «пожарные». Пожарники – это типа они, наоборот, поджигают. <...> Иногда, да, вот новый человек устраивается на работу, и там говорит, ну там, «пожарник». Ему делают замечание. Более старшие. «Мы пожарные» (жен., ок. 1972 г. р., инструктор по противопожарной профилактике, Бологое, устное сообщение, 2008 г.).

4. Этикетные формулы (ср. *можно* vs. *разрешите* (армия), *здорово* vs. *здравствуй* (общее?), *с прошедшим* (праздником) vs. *с наступившим* (армия? общее?) и т. д.):

Сержанты афористически дразнят новобранцев, которые с гражданки не избавились от слова «можно», ответом: «Можно жену и тещу, а в армии – разрешите» [Головин и др. 2003, с. 191] (ср. также: *Можно Машку за ляжку, козу на возу, телегу с разбегу* и т. д.).

- Привет, милиция <...>.
- Здорово, бандит.
- Здорово у коровы, а интеллигентные люди говорят «здравствуй» (Д. Ведерников. Зеркало. 2016; цит. по: Вечорка (Чита), 02.03.2017; ср. также: *Здорова п<...> у коровы*).

¹⁹ Ср. там же отсылку к данным словаря Ушакова: «...пожарные-профессионалы слово пожарник не приняли, считая его для себя низким, оскорбительным. Дело в том, что пожарниками обычно называли инвалидов заштатных пожарных команд, а также пожарных-любителей, членов добровольных пожарных дружин» (см.: *Скворцов Л.И.* Правильно ли мы говорим по-русски? Справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению. М.: Знание, 1980. С. 179).

²⁰ См.: *Тимофеев Б.* Указ. соч. С. 29–30.

²¹ *Хазарев А. 2.31.* Харчевня. Песец // Proza.ru. 2017. URL: <https://proza.ru/2017/04/29/1573> (дата обращения 20 марта 2024).

Как говорил мой военрук в школе – «Правильно говорить – с наступившим. С прошедшим только с триппером поздравляют» (Livejournal.com, 2009).

Обращает на себя внимание, что в некоторых случаях рассматриваемые конструкции отражают рефлекссию по поводу происходящих в языке изменений. Так, с конца 1980-х гг. в общественном дискурсе начала широко освещаться тема проституции, в связи с чем актуализовались соответствующие коннотации слова *клиент* как обозначения обслуживаемого лица; именно этим, как представляется, обусловлена негативная реакция на это слово представителей различных профессий. Вместо осмысляемого как нерелевантного слова *клиент* (говорится, что *клиенты у проститутки*) предлагается использовать обозначения *гость* (рестораторы, бармены), *пациент* (врачи), *пассажир* (водители), *доверитель* (юристы), *заказчик* (представители разных профессий) и др. Все приведенные ниже примеры, кроме первого, спровоцированы непосредственным использованием слова *клиент* в коммуникации:

<Бармен:> Меня раздражает, когда моих гостей называют клиентами. Клиенты у проститутки, у меня всегда гости²².

На вопрос: «Почему Вы так разговариваете с клиентами?» – «Клиенты у проститутки», – цитата доктора Анны Беловой (отзыв о ветклинике, msk.vet.firmika.ru, 2021).

Только клиенты у проститутки, а в такси, как, впрочем, на любом транспорте, – пассажиры (Yarportal.ru, 2020).

Адвокатура – это не бизнес! Клиенты у проститутки, а у адвокатов – доверители (<https://vnclip.net>, коммент., 2018).

Клиенты у проститутки! У дизайнеров – заказчики! (3ddd.ru, 2019).

Если заказчик (клиенты у проститутки, кстати) хочет сделать по своему <...>, по[д]совываешь расписочку – о последствиях осведомлен (форум строителей Forumhouse.ru, 2012).

²² Сычева Е. «Клиенты у проститутки, а у меня всегда гости»: сыктывкарский бармен рассказал о подноготной своей работы // ProGorod. 2021. 6 февр. URL: <https://pg11.ru/news/82444> (дата обращения 20 марта 2024).

Другой пример связан с рефлексией по поводу деактуализированной терминологии. В российской армии имперского периода, в уставах внутренней службы вооруженных сил СССР 1960 и 1975 гг. (второй действовал до 1993 г.) воинское приветствие именовалось *отданием чести*. Начиная с 1993 г. в уставе внутренней службы Вооруженных сил РФ используется термин *воинское приветствие*.

В современном армейском жаргоне периодически можно услышать выражение *отдавать честь*, однако <....> данное выражение является редкоупотребимым анахронизмом. Командный состав армии не одобряет данного выражения, а при его употреблении может последовать критическое замечание: «Честь отдаёт баба в постели» или «Честь ты за углом отдашь»²³ (ср. также: *Честь отдает (пьяная) девка в кустах* и т. д.).

Контексты и функции

Контексты, в которые помещается нерелевантная лексическая единица, часто оказываются сниженными и/или профаническими. Конструируется ситуация, в которой неправильное словоупотребление будто бы дискредитирует адресата (например, адвокат, которого «нанимают», уподобляется извозчику), сферу его компетенции (например, математическое понятие *комплексное число* уподобляется прозаическому *комплексному* обеду в столовой, а езда на лошади, требующая внимания и усилий при ее освоении, – праздному катанию) или самого говорящего (например, предполагается, что новобранец, обращающийся с просьбой со словом *можно, может* совершить сексуальный акт с тещей, козой, телегой и т. д.). Метаязыковые формулы ответа будто бы притягивают к себе «низкие» коннотации. Неслучайным видится, что в приведенной в начале статьи цитате из братьев Стругацких *служат* именно «собачки» (а не, например, военные, духовные лица или артисты театра, для обозначения работы которых слово *служить* вполне нейтрально). Ср. показательный фрагмент из беседы с украинским политиком, противопоставляющим региональный термин *каденция* ‘срок полномочий должностного лица или органа власти’ употребленному интервьюером более широкому синониму *срок*, для которого находится самая негативная коннотация из возможных:

²³ Воинское приветствие // Wikipedia.org. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Воинское_приветствие (дата обращения 20 марта 2024).

<А вот вы в тот раз сказали, что были мэром три с половиной срока [...]?> Каденция, каденция. Срок – это в тюрьме. Каденция – это термин, то есть это время, которое дается тебе законом (муж., 1960 г. р., Винницкая обл. Украины, устное сообщение, 2008 г.).

Более того, «низкий» контекст зачастую оказываются вульгарным, вплоть до обценного, связываясь с тематикой секса или телесного низа. Например, широко известна флотская реакция на использование слова *плавать* по отношению к кораблям или морякам: *Плавает г..., а корабли (моряки) ходят*; строго говоря, «плавать» может в равной мере утка, рыба, пловец и т. д., но важным оказывается выбрать именно сниженный контекст. Ср. также другие подобные высказывания:

И, кстати, уголовные дела не заводят на кого-то. Как говорили у нас в отделе, «заводятся вши в голове, а дела возбуждают» (Dzen.ru, 2021).

<Армия (десантники).> У нас не прыгают, а совершают прыжки. Прыгает кобель на суку (к/ф «Операция «С Новым годом!», реж. А. Рогожкин, 1996).

Студент: «Я спектр снял! Научрук: «Снимают проституток, а спектры регистрируют!» (Pikabu.ru, 2018).

У меня батя иногда с завода «приносил» <...> про «обрезки только в Израиле и Татарстане, а здесь оТрезки/остатки» (Pikabu.ru, 2018).

А у нас препода по отоплению говорил – Дырки у девки, а это отверстие!!! (Pikabu.ru, 2018).

Как мне сказал один знакомый художник, «рисуют пьськи на заборе, а я пишу!» (Pikabu.ru, 2021).

Закрывают дверь в туалет, а дело приостанавливают/прекращают (Yaplakal.ru, 2022).

<Преподаватель филологического факультета – студентам.> В ваших рефератах не должно быть «списка использованной литературы». «Использованной» бывает туалетная бумага (жен., 1982 г. р., Томск, переписка, 2017 г.).

Разумеется, некоторые контексты, в которые помещаются нерелевантные лексемы, могут быть нейтральными или даже в определенном смысле «высокими», а для объяснения нерелевантности одних и тех же терминов параллельно существуют сниженные и иные формулы. Например, механики по поводу глагола *запускать* (о двигателе; подразумевается, что релевантны формулы *приводить в действие* или *включать*) могут говорить, что «запускают» и «ракеты в космос», и «руку под юбку (в штаны) и т. д.» (Pikabu.ru, 2018). «Высокий» контекст в первом из перечисленных выше примеров по контрасту так же иллюстрирует неуместность словоупотребления собеседника, как и сниженный контекст во втором примере. Ср. также приведенные выше армейские реакции на «<Имярек> явился»: «являются» как демонические персонажи («черты», «привидения»), так и персонажи профанные («образ любимой девушки») и сакральные («ангелы», «чудотворные иконы», «Христос народу» – отсылка к названию картины А.И. Иванова «Явление Христа народу»), – впрочем, в контексте советского государственного атеизма трактовка упомянутых в литературе 1950–1960-х годов сакральных персонажей как относящихся к безусловно высоким контекстам более чем сомнительна.

Сниженный контекст, в который помещается нерелевантная лексема, при непосредственной коммуникации может напрямую затрагивать личную сферу собеседника, тем самым оскорбляя/обесценивая его:

Мусор это то, что у тебя дома в ведре, а мы полицейские (Pikabu.ru, 2008).

На уроке труда: «Дырка у тебя в заднице (носу), а это отверстие!» (муж., 1962 г. р., Одесса, переписка, 2017 г.).

Тоже наш учитель труда, <имя-отчество>: у тебя на штанах дырка, а в детали отверстие (муж., 1980 г. р., Москва, переписка, 2017 г.).

В школе на уроке труда, примерно в 6-м классе.

– <Имя-отчество>, а где можно шкурку взять?

– Шкурка, <фамилия>, у тебя в штанах, а это – наждачная бумага (муж., 1976 г. р., Москва, переписка, 2023 г.).

Когда работал на производстве. Был там дед один суровый. Один раз к нему татарин один подходит и говорит... дядя Саш, дай шкурку!? Он ему в ответ... на х<..> у тебя шкурка, а у меня наждачная бумага! (Pikabu.ru, 2018).

Училка по трудам постоянно яростно кричала: «Мужа ты своего с (sic!) постели гладить будешь, а здесь мы утюжим!» (Pikabu.ru, 2018).

<Учительница труда – ученице.> Гладить кота будешь, шов утюжат (Pikabu.ru, 2018).

Выше отмечалась распространенность метаязыковых формул ответа в речи школьных учителей. Действительно, высказывания «Шкурка у тебя в штанах» и «Дырка у тебя в носу/заднице/штанах» фиксируются в десятках воспоминаний об уроках труда и могут включаться в списки типовых педагогических высказываний наряду с общеизвестным «А голову ты дома не забыл?» и т. д. С одной стороны, это может отсылать непосредственно к узусу школьников, в котором, в частности, формула «<Цитата из речи собеседника> у тебя в штанах» зачастую служит ответом на инвективу или иное уничижительное высказывание. Именно в детской/подростковой коммуникации прежде всего распространены ответные реплики, использующие скатологический юмор, цитирующие или повторяющие фонетические особенности речи собеседника, которые «ритуализируют» диалог, в том числе делают его «многоходовым» и превращают в игру [Бойцова 2010, с. 10]; ср. наблюдения Г.С. Виноградова по поводу распространенных в детском фольклоре «речевых акций», в рамках которых собеседник неожиданно «ловится на слове» [Виноградов 1998, с. 59, 72].

С другой стороны, учитывая, что школа (равно как и армия, и профессиональные группы, и семья) является иерархизированным сообществом, очевидно, что эти формулы, особенно обращаясь к сниженным контекстам и тем более с использованием общенной лексики, во многих случаях реализуют такие функции последней, как «средство понижения социального статуса адресата», в частности, за счет выражения «отрицательного отношения к адресату, пренебрежения его социальным комфортом» [Жельвис 2001, с. 110]. Их зачастую адресуют участникам коммуникации, обладающим более низким социальным статусом (взрослые – детям, учителя – школьникам, преподаватели – студентам, старшие по званию в армии – младшим), а также чужим, не являющимся представителями сообщества, и новичкам. Таким образом, подобные формулы могут приобретать социализирующую функцию; целью их использования становится научение речевым конвенциям, принятым в данном сообществе, и в то же время в определенном смысле – поддержка групповой идентичности (ср., например, показательное высказывание бухгалтера в ответ на упомянутые собеседником из университетской среды *договоры*:

«Договоры» у людей, а у нас «дóговоры» – жен., 1980 г. р., Москва, устное сообщение, 2023 г.).

В более широком смысле представляется возможным говорить о метаязыковых формулах ответа как о реализующих стратегию «педагогической» агрессии (как формы невежливого ответа с целью «наказать» собеседника за коммуникативную ошибку [Брагина, Шаронов 2019]) или коммуникативного доминирования: говорящий претендует на регулирование выбора собеседником тех или иных лексических средств, тем самым выстраивая иерархические отношения между собой и собеседником (см.: [Маркасова 2019, с. 123]). Поскольку «за нашим отношением к языку стоят базовые представления о власти – о том, кто может формировать язык, а в конечном итоге – создавать идеи и социальные реальности» [Gorham 2010, p. 137], очевидно, что право на соответствующие высказывания берет на себя тот, кто владеет определенным кодексом: опытный профессионал или тот, кто имеет или принимает на себя функцию владения речевыми нормами.

Обращает на себя внимание и то, что подавляющее большинство таких высказываний представляет собой констатацию некой реальности, позиционируемой как самоочевидное положение вещей (*Являются привидения, Клиенты у проституток* и т. д.). С точки зрения функциональной грамматики, «проговаривание очевидного» с использованием конструкций в настоящем времени может являться средством коммуникативного доминирования, позволяя «структурировать представления о настоящем» собеседника [Маркасова 2019, с. 132, 137]. Редкие конструкции, где контекст переносится в будущее время и в ситуацию, отличную от актуальной (ср. выше: «Гладить кота будешь, шов утюжат», «Честь ты за углом отдашь»), так же сигнализируют о неуместности соответствующего высказывания в настоящей ситуации, как и другие рассмотренные.

В предельном случае о том, что на первый план выходит именно интенция доминирования (даже более, чем стремление научить собеседника), свидетельствует наличие формул, связываемых с синонимичными вариантами, «правильность» которых определяется произвольно. Например, в армии ответом на «<Имярек> явился», служит *Являются привидения (черти, святые* и т. д.), а ответом на «... прибыл» – *Прибывают поезда*, ср. примеры из художественной литературы:

- Товарищ капитан, разрешите доложить: второй штурман Двоскин для исполнения обязанностей прибыл! <...>
- Прибывают поезда на станцию <...>.

- В таком случае явился <...>.
- Являются черты во сне.
- А что делают вторые штурмана?
- Пока я вижу, что паясничают (А.А. Кирносов. Два апреля. 1967).

На первом месяце службы сержант Хандрымайло <...> пробовал «пошутковать» над новичками. Когда солдат докладывал: «По вашему приказанию прибыл», сержант обрывал: «Отставить! Прибывает поезд». Тогда следовало: «По вашему приказанию явился», и сержант отрубал: «Отставить. Является Христос народу» (Ю. Гольдман. Сбор. 1984).

Наряду с этим рассматриваемые формулы появляются в коммуникации лиц, обладающих равным статусом. Как и употребление сниженной лексики, их использование может, наоборот, свидетельствовать об установлении контакта между равными, о поддержании корпоративного духа и др. (ср. [Жельвис 2001, с. 110–113]). Ср. подобный «приятельский» контекст в передаче разговора между журналистом А.Е. Вулых и тренером Станиславом Черчесовым:

Когда хвалил его – «Стас, ты вчера хорошо стоял», он отвечал – «Мой друг, стоит *** (пенис. – *Примеч. ред.*), а вратарь играет»²⁴.

Как и сниженная лексика, подобные формулы используются в «дуэльной» (ср. [Жельвис 2001, с. 111–112]), или агонической/соревновательной, функции в рамках (шуточной) перебранки между статусно равными лицами. Варианты здесь оспариваются в контексте диалогического обмена репликами, построенными по единой модели. С одной стороны, такие формулы могут порождаться окказионально в контексте коммуникации:

Я когда-то деда спросил: «Дедушка, а ты на войне на танке ездил?» Он мне: «Ездят на лошади, а танк водят». Второй дед при этом был, услышал и говорит: «Водят козу на веревочке!» Они тогда чуть не подрались (Pikabu.ru, 2018).

С другой стороны, ответом на клишированную формулу ответа может быть другая формула, оспаривающая «свой» вариант. Знание этой формулы «ответа на ответ» позволяет одержать победу

²⁴ Иванова М. Черчесов: Стоит ***, а вратарь играет // Рамблер.спорт. 2020. 8 окт. URL: <https://sport.rambler.ru/football/44977362-cherchesov-toit-a-vratar-igraet> (дата обращения 20 марта 2024).

в словесной битве. Например, так называемый *малый барабан* (элемент ударной установки) в сленге музыкантов может называться *рабочим*. Речь идет о двух специальных терминах, один из которых принят, в частности, в профильной литературе, а второй носит жаргонный характер. Реакция барабанщиков на нерелевантное словоупотребление коллег отражена, в частности, в скетче «Что раздражает барабанщиков»:

<Титры:> Когда «малый» <барабан> называют «рабочим».

<Гитарист:> Слушай, а можешь в рабочий потише играть?

<Барабанщик:> Рот твой рабочий, а барабан малый! (Youtube.com, канал DrumGalaxyShow. 2019, 7 апр.).

В сетевых обсуждениях приводится и стандартный ответ:

– <О раздражающих фразах.> Когда называют малый барабан: «рабочий». Говорю в ответ: «рот твой рабочий, а это – малый барабан».

– Мне на это обычно отвечают: член твой малый, а барабан рабочий (VK.com, сообщество «Drum Section | Барабаны | Обучение | Новости», 2020; ср.: *Рабочий на стройке, Твой папа рабочий*).

Кроме того, можно предположить, что в силу своей экспрессивности (и часто яркой запоминаемой образности), а также в связи с интенцией научить собеседника релевантному словоупотреблению, рассматриваемые формулы могут иметь мнемоническую функцию. Неслучайно заведомо сконструированная для запоминания «правил языка» формула *Одевают Надежду, надевают одежду* может приводиться в качестве ответа на «неправильное» *одевать*:

– Щас одену сапоги, и пойдем! – кричала Белокобыльская на всю раздевалку, а Надежда Васильевна толковала:

– Никогда не говори так, Стелла! Запомни: «одевают Надежду, надевают одежду» (А. Матвеева. Девять девяностых. 2014), –

а юридическое/милиейское/полицейское словоупотребление (и, как следствие, словоупотребление подследственных и заключенных) *возбужденный* vs. *возбуждённый* подкрепляется мнемонической формулой *Тело возбуждено, а дело возбуждено*, которая известна «многим советским выпускникам юридических вузов» и «вбивалась» «им в голову преподавателями-юристами» [Четверикова 2020, с. 84].

Метаязыковые формулы ответа и языковая рефлексия

Как можно видеть, структурно идентичные формулы служат подтверждению самого разного типа словоупотребления, от строго регламентированного (в армии) до индивидуального, релевантного с точки зрения конкретного говорящего. Может быть, наряду с социальными факторами, поддерживающими популярность этих формул, есть и факторы языковые?

Чтобы ответить на этот вопрос, во-первых, имеет смысл вновь вернуться к пропаганде культуры речи. Одним из наиболее распространенных механизмов объяснения релевантного и нерелевантного словоупотребления в школьных учебниках по русскому языку, а также в (научно)-популярных изданиях было (и остается по сей день) приведение разных контекстов для синонимов, омонимов, омографов, паронимов и т. д. Ср., например, фрагменты из популярных книг Бориса Тимофеева и Льва Успенского, которые были весьма востребованы советским массовым читателем, интересующимся культурой речи.

Замечание в его адрес!...> <...> Можно «бросать камушки в его огород», но замечание делают «по его адресу»²⁵.

Вот типичное просторечье: «Подскажите мне, где здесь Исаакиевский собор?» <...> «ПОД-сказать» по-русски значит: «сообщить в секрете, так, чтобы можно было выдать собственное незнание за знание» <...>. Зачем бы я стал туристу, неленинградцу, на ушко, втайне «подсказывать» местоположение знаменитого памятника архитектуры? Я просто «скажу» об этом вслух, не опасаясь, что нам «попадет»²⁶.

Более того, высказывания, подобные анализируемым в этой статье, могут включаться в образовательную программу в качестве примеров. Так, в цитируемом ниже фрагменте из упражнения на паронимы из учебника по русскому языку описывается диалог двух детей; школьникам предлагается «подумать, кто из спорящих прав» и «почему возник спор», при этом соответствующее метаязыковое суждение вкладывается в уста собеседника, который, очевидно, «прав»:

- Фу, мама опять сварила рыбий суп. Я не хочу его есть.
- Не рыбий, а рыбный. Рыбными только хвосты бывают²⁷.

²⁵ Тимофеев Б. Указ. соч. С. 41.

²⁶ Успенский Л.В. Указ. соч. С. 404.

²⁷ Рыбченкова Л.М. и др. Русский язык. 6-й класс: Учебник для общеобразовательных организаций: В 2 ч. Ч. 1. 3-е изд. М.: Просвещение, 2014. С. 51, № 89.

Во-вторых, следует отметить особенности языковой рефлексии носителей русского языка – как спонтанные, так и спровоцированные обсуждениями культуры речи. С одной стороны, само наличие в языке, например, синонимии подразумевает рефлекссию носителей языка и, как следствие, разведение синонимов по семантическим, стилистическим и другим параметрам; вспомним сформулированный М. Бреалем закон дистрибуции, в соответствии с которым «слова, некогда синонимичные, постепенно дифференцируются тем или иным способом и таким образом перестают быть взаимозаменяемыми» [Ульманн 1970, с. 265]. С другой стороны, «наивные» лингвисты настороженно относятся к любой языковой неоднозначности (см., например: [Зубова 2012]). Однозначность рассматривается носителями языка «как один из важнейших критериев термина, наряду с простотой, благозвучием, лингвистической правильностью и своеязычием» [Колясева 2014, с. 187]); по наблюдениям И.А. Стернина и соавторов, «для носителя обыденного языкового сознания в языке отсутствует омонимия» [Стернин и др. 2017, с. 221] и т. д. В метаязыковых суждениях критикуется «неточное» употребление слова, при этом «разграничение равнозначных слов связано не только с тем, что они выражают, но и с фактами несодержательного языкового варьирования, с различием индивидуально-вкусовым, социальным, территориальным, профессиональным» [Вепрева 2014, с. 170].

Одним из проявлений указанного могут быть, в частности, поиски семантических различий между синонимами. Приведу лишь один пример – цитируемое Л.В. Успенским письмо от «наивного» лингвиста:

Как-то я получил письмо от человека, подписавшегося как Главный конструктор, то есть, несомненно, окончившего вуз, по-видимому, технический. Он протестует против употребления нового слова «рубеж» вместо слова «граница». Он считает «рубеж» понятием исключительно военно-тактическим, утверждает, что так называется линия, «за которой находится неприятель», и требует срочно замены слова, например, «зарубежный» одним из ряда его синонимов и полусинонимов: «заграничный, иностранный, иноземный, заморский, импортный, иноплеменный»²⁸.

²⁸ Успенский Л.В. Указ. соч. С. 403.

Выводы

Таким образом, рассмотренные высказывания, как конструируемые окказионально, так и чаще используемые систематически, противопоставляют «свое»/«правильное» и «чужое»/«неправильное» словоупотребление, реализуя прежде всего стратегию коммуникативного доминирования и социальной власти. Собеседнику инкриминируется отсутствие языковой компетенции, невладение речевыми нормами (если речь идет о нарушениях «общей культуры речи») или компетенции социальной (если речь идет о невладении групповым узусом новичками или чужаками). Метаязыковые формулы ответа способствуют выстраиванию иерархии между «знающим» (в рамках «культуры речи» – осведомленным в правилах языка, в рамках профессионального или иного узкого сообщества – профессионалом/специалистом) и «профаном».

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Благодарю В.И. Беликова, В.А. Дымшица, Е.Е. Жигарину, М.Л. Лурье, Е.В. Маркасову, С.В. Татевосова и О.Б. Христофорову за обсуждение статьи и за ценные замечания.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEP state assignment research programme. The author thanks V.I. Belikov, V.A. Dymshits, M.L. Lurie, E.V. Markasova, O.B. Khristoforova, S.V. Tatevosov and E.E. Zhigarina for discussing the paper and for valuable comments.

Литература

- Баранов, Добровольский 2008 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
- Баранов, Добровольский 2009 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
- Басовская 2011 – *Басовская Е.Н.* Советская пресса – за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М.: РГГУ, 2011. 330 с.
- Бойцова 2010 – *Бойцова О.Ю.* «Конь в пальто»: структура и функция шуточных ответов // Живая старина. 2010. № 3. С. 9–11.
- Брагина, Шаронов 2019 – *Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 4. 2019. С. 975–993.

- Вепрева 2014 – *Вепрева И.* Метаязыковой привкус эпохи: Избранные работы последнего десятилетия. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2014. 223 с.
- Виноградов 1998 – *Виноградов Г.С.* «Страна детей»: Избр. тр. по этнографии детства. СПб.: Ист. наследие, 1998. 547 с.
- Гак 1995 – *Гак В.Г.* Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. № 4. С. 47–55.
- Головин и др. 2003 – *Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л.* Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор / под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 186–230.
- Жельвис 2001 – *Жельвис В.И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
- Жигарина 2008 – *Жигарина Е.Е.* «Девушка, а девушка»: о ряде сценарных диалогов // Кирпичики: Фольклористика и культурная антропология сегодня: сб. ст. в честь 65-летия С.Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / сост. А.С. Архипова*, М.А. Гистер. М.: РГГУ, 2008. С. 188–199.
- Зубова 2012 – *Зубова Л.В.* Потенциальная семантическая дифференциация вариантов слова // Вариативность в языке и коммуникации / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2012. С. 101–124.
- Капанадзе 1988 – *Капанадзе Л.А.* Способы выражения оценки в устной речи // Разновидности городской устной речи: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская. М.: Наука, 1988. С. 151–156.
- Клубков 2003 – *Клубков П.А.* «Языковые игры» и малые жанры городского фольклора // Современный городской фольклор / Под ред. А.Ф. Белоусова, И.С. Веселовой, С.Ю. Неклюдова. М.: РГГУ, 2003. С. 645–664.
- Колясева 2014 – *Колясева А.Ф.* Терминология в зеркале обыденного и профессионального языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. М., 2014. 330 с.
- Левонтина 2016 – *Левонтина И.* О чем речь? М.: АСТ: CORPUS, 2016. 506 с.
- Магин 2006 – *Магин И.А.* Animal/baby-talk: речь, обращенная к животным/детям // Детский фольклор и культура детства: материалы науч. конф. «XIII Виноградовские чтения» (31 июня – 4 июля 2003 г.) / ред.-сост. Е.В. Кулешов, М.Л. Лурье. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 210–216.
- Маркасова 2019 – *Маркасова Е.В.* Грамматика речевого доминирования (настоящее время) // Urban voices: The sociolinguistics, grammar and pragmatics of spoken Russian / ed. by N. Thielemann, N. Richter. Berlin: Peter Lang, 2019. P. 125–143.

* Минюст России внес А.С. Архипову в список «иностранных агентов».

- Норман 2016 – *Норман Б.Ю.* Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 14: Материалы Междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», 22–23 апреля 2016 г. / под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Уральск. гос. пед. ун-т, 2016. С. 222–236.
- Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Подюков, Свалова 2019 – *Подюков И.А., Свалова Е.Н.* Паремия в русских народных говорах Прикамья: семантика и прагматика. СПб.: Мама-тов, 2019. 224 с.
- Стернин и др. 2017 – *Стернин И.А., Рудакова А.В., Виноградова О.Е.* Проект «Значение как феномен языкового сознания» (психолингвистическое значение слова) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 211–225.
- Топорков 1990 – *Топорков А.Л.* На кудыкину гору // Русская речь. 1990. № 3. С. 141–144.
- Ульманн 1970 – *Ульманн С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии / пер. с англ. под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.
- Четверикова 2020 – *Четверикова Т.Д.* «Тело возбуждено, а дело возбуждено»? // Русская речь. 2020. № 6. С. 82–93.
- Gorham 2010 – *Gorham M.S.* Language ideology and the evolution of *kul'tura iazyka* ("speech culture") in Soviet Russia // Politics and the theory of language in the USSR 1917–1938 / ed. by C. Brandist, K. Chown. L.: Anthem Press, 2010. P. 137–149.

References

- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2008), *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of theory of phraseology], Znack, Moscow, Russia.
- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2009), "Principles of semantic descriptions of phraseology", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 21–34.
- Basovskaya, E.N. (2011), *Sovetskaya pressa – za "chistotu yazyka": 60 let bor'by* [Soviet press – for 'purity of language': 60 years of struggle], RGGU, Moscow, Russia.
- Boitsova, O.Yu. (2010), " 'A horse in coat': Structure and functions of joke replies", *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 9–11.
- Bragina, N.G. and Sharonov, I.A. (2019), " 'Pedagogic' aggression in Russian everyday communication", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 4, pp. 975–993.
- Chetverikova, T.D. (2020), " 'Telo vzbuzhdeno' and 'delo vzbuzhdeno': Special accent forms in professional zhargon", *Russkaya rech'*, no. 6, pp. 82–93.

- Gak, V.G. (1995), "Phrazeoreflexes in ethnical and cultural aspects", *Filologicheskie nauki*, no. 4, pp. 47–55.
- Golovin, V.V., Kuleshov, E.V. and Lurie, M.L. (2003), "Subculture of the urgent service soldiers", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Sovremennyyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 186–230.
- Gorham, M.S. (2010), "Language ideology and the evolution of kul'tura iazyka ('speech culture') in Soviet Russia", in Brandist, C. and Chown, K., eds., *Politics and the theory of language in the USSR 1917–1938*, Anthem Press, London, UK, pp. 137–149.
- Kapanadze, L.A. (1988), "Ways of expression of valuation in oral speech", in Shmelev, D.N. and Zemskaya, E.A., eds., *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi: Sbornik nauchnykh trudov* [Diversity of urban oral speech: Collected papers], Nauka, Moscow, USSR, pp. 151–156.
- Klubkov, P.A. (2003), "'Wordplays' and small genres of urban folklore", in Belousov, A.F., Veselova, I.S. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Sovremennyyi gorodskoi fol'klor* [Contemporary urban folklore], RGGU, Moscow, Russia, pp. 645–664.
- Kolyaseva, A.F. (2014), *Terminologiya v zerkale obyden'nogo i professional'nogo yazykovogo soznaniya* [Terminology in the mirror of common and professional linguistic consciousness], Ph.D. Thesis (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Levontina, I. (2016), *O chem rech'?* [What are we talking about?], AST, CORPUS, Moscow, Russia.
- Magin, I.A. (2006), "Animal/baby-talk: Speech addressed to animals/children", in Kuleshov, E.V. and Lurie, M.L., eds., *Detskii fol'klor i kul'tura detstva: Materialy nauchnoi konferentsii "XIII Vinogradovskie chteniya" (31 iyunya – 4 iyulya 2003 g.)* [Children's folklore and culture of childhood: Proceedings of conference '13th Vinogradov Readings' (2003, June 31 – July 4)], SPbGUKI, Saint Petersburg, Russia, pp. 210–216.
- Markasova, E.V. (2019), "A grammar of verbal domination: The Present Tense", in Thielemann, N. and Richter, N., eds., *Urban voices: The sociolinguistics, grammar and pragmatics of spoken Russian*, Peter Lang, Berlin, Germany, pp. 121–143.
- Norman, B.Yu. (2016), "Stereotypical replies at service of standard speech acts", in Gridina, T.A., ed., *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti, iss. 14: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa", 22–23 aprelya 2016 g.* [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity, iss. 14: Materials of the International Scientific Conference "Language. System. Personality: Linguistics of Creativity", April 22–23, 2016], Ural State Pedagogical Institute, Ekaterinburg, Russia, pp. 222–236.
- Permyakov, G.L. (1988), *Osnovy strukturnoi paremiologii* [The basics of structural paremiology], Nauka, Moscow, USSR.

- Podyukov, I.A. and Svalova, E.N. (2019), *Paremiya v russkikh narodnykh govorakh Prikam'ya: semantika i pragmatika* [Paroemia in Russian dialects of Prikamye: Semantics and pragmatics], Mamatov, Saint Petersburg, Russia.
- Sternin, I.A., Rudakova, A.V. and Vinogradova, O.E. (2017), "Project 'Meaning as a Phenomena of Linguistic Consciousness' (psycho-linguistic meaning of word)", *Voprosy psikholingvistiki*, vol. 32, no. 2, pp. 211–225.
- Toporkov, A.L. (1990), " 'Na kudykinu goru' " [To Kudykin mountain], *Russkaya rech'*, no. 3, pp. 141–144.
- Ullmann, S. (1961), "Semantic universals", in Greenberg, J.H., ed., *Universals of language*, MIT Press, Cambridge, Mass., USA, pp. 217–262.
- Vepreva, I. (2014), *Metazykovoi privkus epokhi: Izbrannye raboty poslednego desyatiletiya* [Metalinguistic taste of the epoch: Selected works of the last decade], Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, Germany.
- Vinogradov, G.S. (1998), "*Strana detei*": *Izbrannye trudy po etnografii detstva* [A country of children: Selected works on ethnography of childhood], Istoricheskoe nasledie, Saint Petersburg, Russia.
- Zhel'vis, V.I. (2001), *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [A field of abuse: Bad language as social problem], Ladomir, Moscow, Russia.
- Zhigarina, E.E. (2008), " 'Girl, you girl': On some scenario dialogues", in Arkhipova*, A.S. and Gister, M.A., eds., *Kirpichiki: Fol'kloristika i kul'turnaya antropologiya segodnya: Sbornik statei v chest' 65-letiya S.Yu. Neklyudova i 40-letiya ego nauchnoi deiatel'nosti* ['Little bricks': Folklore studies and cultural anthropology today: Collected papers in honor of 65th anniversary of S.Yu. Neklyudov and of 40th anniversary of his scientific activity], RGGU, Moscow, Russia, pp. 188–199.
- Zubova, L.V. (2012), "Potential semantic differentiation of a word's variants", in Fedorova, L.L., ed., *Variativnost' v yazyke i kommunikatsii* [Variability in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 101–124.

Информация об авторе

Мария В. Ахметова, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82; malinxi@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-2543-9349

Information about the author

Maria V. Akhmetova, Cand. of Sci. (Philology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; malinxi@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-2543-9349